

**КРЕМЛЁВСКИЙ
ДИТТЕР**

ЕВГЕНИЙ

ДОДОЛЕВ

НЕИСТОВЫЙ

ЛИМОНОВ

БОЛЬШОЙ ПОХОД НА КРЕМЛЬ

Евгений Юрьевич Додолев Неистовый Лимонов. Большой поход на Кремль Серия «Кремлевский диггер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056220

*Неистовый Лимонов. Большой поход на Кремль: Алгоритм; М.: 2013
ISBN 978-5-4438-0260-2*

Аннотация

К семидесятилетию легендарного писателя и политика журналист, участник команды «Взгляда» Евгений Додолев представляет опыт политической биографии Лимонова. Эдуард Лимонов – писатель с мировым именем и одновременно самый скандальный и принципиальный оппозиционер России, прямо и открыто отстаивающий свои убеждения уже третий десяток лет. Евгений Додолев – ведущий программы «Взгляд», один из основателей холдинга «Совершенно секретно» и автор термина «четвертая власть», по праву считается одним из лучших журналистов страны. Как появилось название партии и газеты «Лимонка», какую роль Лимонов играл в теневом кабинете Жириновского и как вообще скандальный писатель стал не менее скандальным деятелем политической арены – обо всем этом детально рассказывает журналистское расследование Е. Додолева.

Содержание

От автора	4
Раздел I	8
«Не путайте меня с Лимоновым». Первое интервью «Новому взгляду» (1992 год)	9
Детство босоное мое	10
Завоеватель Москвы	12
Я – Савенко	13
Свой среди чужих...	15
Чужой среди своих	17
Нобелевская премия – в перспективе	18
Послесловие	20
Его звали Юлик	23
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгений Додолев Неистовый Лимонов. Большой поход на Кремль

От автора

На самом деле я не могу называться автором. Даже «как бы автором» не могу. У этой книги, по сути, несколько соавторов. И самый козырной из них – Эдуард Вениаминович Савенко. Именно он отвечал на журналистские вопросы, и, кроме того, без Лимонова-писателя не было бы литераторов Наталии Георгиевны Медведевой и Ярослава Юрьевича Могутина, настоящих соавторов данного произведения. Я же – автор проекта «Новый Взгляд», который стал инструментом возвращения забытого эмигранта в Россию. Впрочем, справедливости ради, замечу: и без «Нового Взгляда» создатель скандальных опусов «Это я – Эдичка», «Дневник неудачника», «Подросток Савенко» и «Молодой негодяй» вернулся бы на Родину. И как писатель, и как гражданин.

Сегодня Лимонов воспринимается как маргинальный политфункционер. А когда-то был – в глазах социума – неординарным писателем и супругом экстравагантной певицы Наталии Медведевой, которую не раз арестовывали в Штатах.

Лимонов всегда шокировал публику. И когда, будучи сертифицированным антисоветчиком, называл Солженицына расчётливым, хитрым литератором-интриганом, с тяжелой формой мании величия и когда утверждал, что «так называемые депортации были акциями справедливого возмездия; мудро поступил Иосиф Сталин, знавший Кавказ».

Лимоновские соратники, которые публиковались с его подачи в «Новом Взгляде», тоже генерировали скандал за скандалом. Александр Дугин определил «политический гомосексуализм» как синдром постмодернистической политики. А Владимир Жириновский вообще вступил на страницах нашего проекта в полемику с Лимоновым-Савенко как членом теневого кабинета ЛДПР. Ярослав Могутин утверждал, что факт участия Лимонова в теневом кабинете Жириновского объясняется исключительно их взаимной сексуальной симпатией друг к другу, и публиковал у нас совершенно провокационные реплики на тему «Почему евреи не любят Лимонова?», поскольку вычислил для себя: две темы в одном флаконе – гомофобия и антисемитизм – являются трамплином, с помощью коего он сможет покинуть Россию, как некогда покинул малую родину. Впрочем, со временем Слава подверстал сюда и чеченскую тематику, что сработало в полный рост.

Могутин записывал беседы не только со своей ролевой моделью – Эдуардом Лимоновым, но и бывшей подиумной моделью Наталией Медведевой, супругой № 3 скандального

писателя. И даже с ее предшественницей, второй женой Эдуарда – поэтессой Еленой (Козлик) Шаповой (Contessa Elena Sciarova de Carli, для нее это был тоже второй брак), которая затем, по ее словам, вышла за графа де Карли и которой Лимонов при знакомстве солгал насчет своего возраста... прибавив себе семь лет (она скептически относилась к молодым). Елена рассказывала Славе про его наставника:

– Это был провинциальный юноша, который только что приехал из Харькова, никому не известный. Для него женитьба на мне была большим событием, потому что я была светская дама, а Лимонов в то время шил брюки, и его никто не знал как поэта. В Москве он был знаменит исключительно шитьем брюк. Но Эдуард мне понравился, я влюбилась в его стихи. Когда я познакомилась с его поэзией, мне это было очень близко, это было похоже на то, чем я занималась в то время. Конечно, он сильно переживал социальное неравенство, существовавшее между нами. Он достаточно самовлюбленный человек, поэтому все это было для него тяжело. Были какие-то эксцессы, истерики, поэтому я просто отказалась ходить с ним в светские дома своих старых друзей, чтобы не ставить его в дурацкое положение. Конечно, все от него чего-то ждали, смотрели на него через лорнет. И он очень смущался из-за этого, сильно комплексовал. Я была очень богатой, мой муж был одним из самых богатых людей Москвы и официально считался миллионером. И я ушла к Лимонову, у которого не было ни кола ни двора. Нам предо-

ставил свою мансарду Бачурин, и мы ушли жить к нему на чердак.

Назвать, не мудрствуя лукаво, орган партии нацболов «Лимонка» посоветовал тот же Могутин, и он же, кстати, сочинил один из текстов первого номера – «Без интеллигентов. Утопия». Эти двое были близки как родичи. Однако позднее, как признался мне сам Могутин, общение свелось лишь к парикмахерским экзерсисам: помимо прочих знаменитостей и знакомых Слава обрабатывал ножницами и голову Лимонова. После бегства своего воспитанника в США Эдуард обосновался в могутинской квартире на Арбате. Жилец оставил там все свои вещи, включая бюст Вэна Клайберна и раритетную скрипку (игру на коей он, впрочем, забросил за-долго до вынужденной эмиграции, предпочтя совсем другие игры). Обо всем этом и рассказано в настоящей книге.

Раздел I

Так начиналось

Дабы избежать упреков в подтасовке фактов, я решил воспроизводить записи 20-летней давности без купюр и коррекции. Многие покажутся смешным и нелепым, но кое-что и провидческим окажется.

«Не путайте меня с Лимоновым». Первое интервью «Новому взгляду» (1992 год)

Имя Эдуарда Лимонова в первую очередь ассоциируется с отголосками какого-то скандала. Где-то что-то краем уха слышали: не то он гомик, не то шизик, не то засланный за бугор агент Кремля. Хотя журнал «Знамя» еще в 1989 году опубликовал его роман «У нас была великая эпоха», куда более известна вышедшая в России в конце 91-го года книжка «Это я – Эдичка», выдержавшая за четыре месяца четыре издания общим тиражом около миллиона экземпляров. А уж в «Эдичке» натуралистически выписанных сексуальных сцен, отборного русского мата, с помощью которого предпочитает изъясняться главный герой, – в избытке. Это, понятно, тоже работает на создание имиджа Лимонова – этакого смутьяна и скандалиста.

...Дверь гостевой квартиры в доме на Герцена открыл сидящий мужчина среднего роста. Галантно помог избавиться от верхней одежды, предложил разуться:

– У меня туфли чистые, а вы с улицы. Если бы вы были сегодня единственными гостями, а то ведь еще люди придут. – И добавил, словно извиняясь: – Кстати, в Швеции то-

же в квартирах обувь снимают.

Леша Азаров, фотокорреспондент, попытался что-то спросить:

– Эдуард... э-э, извините, как ваше отчество? Ответ последовал без задержки:

– Амвросиевич.

Пока Леша приходил в себя, я решил перехватить инициативу:

– А действительно, какое обращение вы предпочитаете – господин, товарищ, сударь?

– Мне больше нравится собственное имя – Эдуард.

Детство босоногое мое

– Родился я в 43-м году в Дзержинске Горьковской области. Отец мой был тогда солдатом, позже, окончив военную школу, стал офицером. Году в 47-м мы осели в Харькове. Я пришел в сознание в рабочем поселке, там провел детство, отрочество, юность. В 9 лет я уже убежал из дома, в 15 начал воровать. Чудом не загремел в тюрьму, с превеликим трудом закончил десятилетку. Это было нормально, типичная судьба пацана с окраины большого индустриального города. Дорога вела на завод или за решетку. В институт попали единицы. Поскольку я к ним не принадлежал, то оказался на заводе. Работал монтажником-высотником, потом сталеваром в литейном цехе, ну и так далее...

– В пока не изданном в России романе «Подросток Савенко» вы описываете Харьков 58-го года, рассказываете, как вместе с местной шпаной «бомбили» магазины, разбойничали. Причем в ваших устах это звучит совершенно естественно, будто речь об игре в футбол или походе в кино.

– Я в самом деле не вижу в этом ничего удивительного. Повторю, гораздо более странно, что не угодил в тюрьму, хотя, например, мой приятель Костя Бондаренко в 62-м году получил высшую меру наказания. Понимаете, для нас это были не преступления, а доказательства доблести. Началось все с того, что вместе с дружкой Вовкой Боксером я высадил витрину магазина и украл деньги, спиртное. После такие набеги стали повторяться. Мы совершенствовались, превращались в мастеров. Этим занятием я пробавлялся до 20 с лишним лет. Уже работал на заводе, даже на заводской доске почета висел. Видно, одно другому не мешало.

– А с правоохранительными органами не было проблем?

– По мелочам. Конечно, стоял на учете в милиции, как все нормальные люди, получал по 15 суток. Подростком я много пил, меня несколько раз подбিরали на улице, приносили домой мертвецки пьяного. Я считал, что мужчина должен уметь надираться. По субботам мы ходили в самый большой ресторан города «Кристалл» и выпивали по 800 граммов коньяка... А что? Я и сейчас выпью шестьсот без проблем, но алкоголиком, как видите, не стал.

Завоеватель Москвы

– Эрнст Неизвестный рассказывал мне, что в конце 60-х вы шили ему штаны, что какое-то время подрабатывали портным.

– Абсолютная правда. Перебравшись в 67-м году в Москву, я оказался без средств к существованию. Я ведь в Харькове не только коньяк попивал и магазины грабил, но и с 15 лет стихи писал. Прослышав, что в Москве существует СМОГ – Союз молодых гениев, рванул в белокаменную. Поэзия поэзией, но жить-то на что-то надо было. А у меня московской прописки нет, кто же без нее на работу возьмет? Вот и шил брюки. Научился этому совершенно без чьей-либо помощи, сам. Я никогда не стремился заработать много. Лишь бы хватало на еду да была тридцатка за комнату. Семь московских лет, пока меня не выставили из страны, были тяжелыми. Сегодня я вспоминаю их в романтическом ореоле, хотя моя первая жена Анна, она делила со мной все эти трудности, в конце концов психологически сломалась, долго лечилась, а в 90-м году покончила с собой, выбросилась из окна... Искусство превыше всего. Я ел состоявшие почти из одного хлеба микояновские котлеты по 60 копеек за десяток и мечтал о славе. За первую московскую зиму я похудел на 11 кило. Я несколько месяцев простоял у дверей Дома литераторов, чтобы попасть на семинар Арсения Тарковского.

Меня не пускали, гнали, но я все-таки попал. Правда, выяснилось, что Тарковский абсолютно бездарный учитель, его лекции не представляли никакого интереса, более того, он не давал нам свободно читать стихи. А я ведь ехал в Москву, чтобы меня слышали. Словом, я устроил на семинаре восстание...

– *Значит, вы не считаете Тарковского своим учителем?*

– Нет, конечно. Им был скорее Евгений Крапивницкий, с ним я очень-очень дружил.

– *Сегодня вы поэзию оставили?*

– Да, совсем. Кстати говоря, то увлечение России поэзией было архаично, в ту пору молодежь всего мира жила уже другим рок-н-роллом.

Я – Савенко

– *Оказавшись в 74-м году на Западе, вы поставили перед собой цель зарабатывать на жизнь писательским трудом. Вслед за «Эдичкой», рассказывающим о ваших мытарствах в Нью-Йорке, вы издали, если не ошибаюсь, еще 12 книг, героем большинства которых являетесь вы сами. Чем вызван такой повышенный интерес к собственной персоне?*

– Надо определиться, что считать автобиографическим произведением.

Главное действующее лицо моих книг – Лимонов. Но ведь такого человека не существует в природе. По паспорту я Са-

венко Эдуард. Точка. А Лимонов, значит, это и герой, и автор. Автобиографические приемы были важны для меня при показе эпохи, среды. Например, в романе «У нас была великая эпоха» маленький сын лейтенанта Эдик только предлог, чтобы показать время конца 40-х. А «Молодой негодяй» – это Эдичка в Харькове 60-х. Понимаете, страна через героя, это эпопея.

– *Кстати, почему Лимонов?*

– Это родилось из литературной игры, дело происходило в Харькове, мне был 21 год. Мы с приятелями называли себя... как это называется по-русски?.. искусственными фамилиями. Кто-то стал Буханкиным, кто-то Одеяловым, я стал Лимоновым. Так ко мне и прилипло, превратилось в кличку, второе «я» быстро вытеснило первое. Привыкли все, я в том числе. Так и осталось, сегодня поздно уже избавляться. Но если бы мне не нравилась фамилия отца, я мог бы взять материнскую – Зыбина. Так что дело не в этом.

– *Читатели меня не поймут, если я не спрошу вас о роли нецензурных выражений в вашем творчестве.*

– Мат – нормальное средство характеристики героев. Во всех языковых стихиях подобные революции произошли в 30-е годы. Вспомните хотя бы «Тропик Рака» Миллера. Нечто похожее ожидало бы и Россию, но советская власть со своим пуританизмом затормозила процесс. Мат – это колоссальное оживление языка.

– *Значит ли это, что вы таким же образом оживляете*

и собственную разговорную речь?

– Нет, я вежливый человек, ко всем обращаюсь на «вы». Но если меня обматерят, я отвечаю тем же.

– Тем более удивительно, что вы решили нарушить табу и напечатать непечатное слово.

– Знаете, мне неоднократно предлагали издать «Эдичку» с многоточиями на месте матерных выражений. Я отказывался и рад, что сегодня удалось сломать барьер. Для меня мат – не самоцель. В большинстве моих книг вы не встретите ненормативной лексики. В «Эдичке» же показан человек в стесненных обстоятельствах, в глубоком кризисе, на дне жизни. Естественно, что он прибегает к крепким выражениям. И чтобы упредить возможные вопросы, повторю еще раз: не следует отождествлять меня с Эдичкой. Я не ругаюсь в обществе женщин, я не наркоман и не гомосексуалист. Я семейный человек. Последние 10 лет живу во Франции с женой Наталией Георгиевной Медведевой.

Свой среди чужих...

– Как вы устроились в Париже?

– Мы обосновались на крыше дома в старой части города, почти в центре. В мансарде, в очень небольшой квартирке общей площадью меньше 50 квадратов. Зато, знаете, наклонные потолки, как в кино. Обычно советские люди, попадая ко мне, разочаровываются. Они считают, что я должен

иметь личный самолет, как Шолохов, или хотя бы дачу вроде переделкинских.

— *Пишете вы ежедневно?*

— Практически да. Обычно работаю по 5—6 часов. Писательство — единственный источник моих доходов.

— *К Парижу привыкли?*

— Да. И давно не замечаю его туристских красот и достопримечательностей, зато вижу те проблемы, которые недоступны взору простого советского человека. Я же сталкиваюсь со всем этим ежедневно. Поэтому мне странно наблюдать, как в России пренебрегают советами тех, кто постоянно обретается на Западе.

— *А я как раз этому не удивлен. Логика проста: хитрец, живет в Париже, а нас уговаривает не ехать.*

— Я никого не уговариваю, боже упаси. Я зло и насмешливо говорю: попробуйте выехать туда, кому вы там нужны?

— *У вас двойное гражданство: вы ситуаен франсэ, но вот уже больше года, как вам вернули советский паспорт. Сегодня Союза нет. Присягнете России?*

— Безусловно. Кому же еще?

— *Но ведь вы наполовину украинец...*

— Я человек русской культуры и патриот Великой России, коей Украина — неотъемлемая часть.

— *Ваши родители живут в Харькове. Вы их навещаете?*

— В прошлый приезд был. На этот раз пока нет.

— *А они к вам в Париж ездили?*

– Родители уже старые люди, отказываются. Живется моим старикам несладко, у отца капитанская пенсия, представляете? Раньше я переводил им гонорары за статьи, публиковавшиеся в Союзе, однако теперь на суверенную Украину и переводы не принимают.

Чужой среди своих

– *Ваша последняя книга, написанная по впечатлениям от поездки в Союз в 89-м году, называется «Иностранец в родном городе». Вы действительно чувствуете себя здесь чужим?*

– Я здесь не чужой. Мне предложили место политического обозревателя в «Советской России». Я хочу большего – участвовать в политическом процессе, заниматься политикой.

– *Но для этого придется покинуть Францию.*

– Я не вижу тут проблемы, мне не впервой менять место жительства.

– *К слову, почему вас так долго не пускали в Союз? Кажется, вам помог приехать Юлиан Семенов и он же первым опубликовал вас здесь?*

– Почему не пускали, спрашивать надо не у меня. Что касается Юлиана Семенова, то мы познакомились на приеме у парижского американца – общего знакомого и разговорились. Семенов предложил: «Давай я тебя напечатаю». Он же

меня пригласил в Союз. Он это пообещал и сделал. Впоследствии наши отношения испортились, он за что-то обиделся на меня... Юлиан Семенов – первый советский капиталист в книжном бизнесе, сумел организовать доходные предприятия. Разумеется, он из бывших. Я – исключение, у меня нет бывшей биографии, я не был ни членом КПСС, ни даже ВЛКСМ. У меня в анкетах прочерки – не был, не состоял, не участвовал. А Семенов был, состоял, участвовал. Но что это, собственно, меняет? Ельцин ведь тоже был и состоял, однако это никого не смущает. Мне часто на Западе говорили: что же ты общаешься с Семеновым, это же генерал КГБ? А я отвечал, что всю жизнь мечтал познакомиться с генералом КГБ и жалею лишь, что этот генерал перестроившийся. Я бы предпочитал закоренелого.

Нобелевская премия – в перспективе

– Вы знакомы с Франсуазой Саган? Это ведь она вместе с другими хлопотала о предоставлении вам французского гражданства.

– С Саган я едва ли перекинулся двумя десятками фраз... такая жеманная комнатная собачонка. В свое время она написала книгу, которая якобы произвела определенную мини-революцию во французских нравах. Это было все очень хорошо организовано, ее отец был большим человеком в книжном бизнесе. Это не была какая-то 17-летняя безвест-

ная девушка, пришедшая со стороны. Все ее книги буржуазны и достаточно поверхностны, хотя сама Саган сегодня легенда.

— В 1986 году в одном из интервью на Западе вы сказали, что через пять лет хотите стать писателем-легендой, популярным и узнаваемым. Срок прошел. По-вашему, вы своего добились?

— Думаю, что да.

— И Нобелевская премия станет венцом стремлений?

— Нобелевскую мне не дадут, я другого типа писатель, писатель антиистеблишмента. Я отношу себя к взрывателям общественных устоев, а у них обычно трагические судьбы. Вот Бродский — да, это другое дело, он академичен, всегда высказывается за существующий порядок. Даже тот его ленинградский бунт как таковым бунтом не был. Это недоразумение, нонсенс.

Правда, Нобелевскую премию дали Альберу Камю, этот тоже был достаточно взрывчатый писатель. Черт его знает, может, и я когда-нибудь дождусь.

— Для вас это важно?

— Нет. Сартр вот, к примеру, ведь отказался от премии.

— Тогда что главное?

— Быть автором вот этих книг, лежащих на столе. Вы называете мои произведения скандальными, но скандальность возникает от несоответствия моих идей и моей эстетики с восприятием читателей.

- *Нужно полагать, свой стиль вы менять не собираетесь?*
- Нет, конечно.
- *Значит, можно ждать новых сенсаций?*
- Ждите!

Послесловие

Через несколько дней я опять звонил в дверь с приклеенным липкой лентой номером. Я принес Лимонову готовое интервью на подпись. В этот день, 22 февраля 1992 года, Эдуарду исполнилось 49 лет. Как водится, я поздравил именинника. Поблагодарив из вежливости, Лимонов заметил: «Я никогда не праздную собственный день рождения. Не вижу в этом событии ничего, кроме повода напиться».

Лимонов был трезв.

На столе лежали рукописи, газеты, книги.

Писатель работал.

P.P.S. В этом интервью Эдуард посетовал на то, что его творчество пока малоизвестно российскому читателю. Тогда же само собой родилось предложение напечатать что-нибудь из новых, не издававшихся ранее в России работ Эдуарда на страницах нашего еженедельника. Через своего литературного агента в Москве Александра Шаталова Эдуард передал в редакцию рукопись написанной в 1990 году книги «ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ САНАТОРИЙ». Это произведение прак-

тически было незнакомо широкой аудитории у нас в стране. Мы тогда отобрали для публикации три главы из 180-страничного текста. В предисловии к сериалу публикаций предупредили тех, кто творчество Лимонова знает лишь по книге «Это я – Эдичка» и кто настраивается на подобного рода чтение, – их придется разочаровать. Матерных выражений и «крутых» сексуальных сцен не будет. Эта книга совсем о другом. Писатель предпослал рукописи подзаголовок «Этюд социальной ментальности современных обществ».

Взгляд Эдуарда Лимонова далеко не всегда может совпадать с вашим собственным, вполне возможно, позиция автора вызовет у кого-то неприятие и даже раздражение. Однако, надо полагать, никто не станет оспаривать право писателя иметь свое, отличное от других видение решения той или иной проблемы, равно как и право это самое видение обнародовать. С Лимоновым можно спорить, не соглашаться, но сначала хорошо бы его выслушать. И еще было сделано несколько замечаний, предваряющих знакомство с отрывками из «Дисциплинарного санатория». С момента написания книги мир не стоял на месте, нет больше восточного блока социалистических стран, нет и Советского Союза, столь часто упоминаемых Лимоновым. Прежних держав нет, а вот сохранился ли санаторий, описанный в книге? Это уже судить читателям. Попутно заметим, что, по мнению автора, границы санатория не заканчиваются в СССР или Восточной Европе... В «Дисциплинарном санатории» автор посто-

янно апеллирует к роману Д. Оруэлла «1984», который считает самой черной книгой века. Обществу, созданному фантазией английского писателя, Лимонов противопоставляет собственную модель. Этим объясняется неоднократное цитирование «1984» Лимоновым. Мы сочли возможным сохранить в той публикации орфографию, правописание автора, его транскрипцию написания имен и фамилий.

Его звали Юлик

О стратегической роли титана советской литературы Юлиана Семенова в лимоновской судьбе немногим известно. Когда умирает обычный человек, он больше никому не нужен, кроме близких. Если же уходит человек известный, вокруг него немедленно собирается толпа вроде бы друзей, тон в которой, как правило, задают случайные попутчики большой жизни и люди, с которыми покойный расстался задолго до своей смерти. Они засиживают образ усопшего своими воспоминаниями, словно голуби памятник. Таким образом, забвение получается частичным – заслуги забываются, а обстоятельства жизни обрастают интерпретациями.

Семенов любил повторять: «Не бойтесь верить людям – потому что, даже если вы в них разочаруетесь, у вас останутся счастливые воспоминания о месяцах и годах дружества». Разочаровавшись, он расходился с людьми, не опускаясь при этом до критики. Так было с поэтом Евгением Евтушенко, с политобозревателем Генрихом Боровиком, с журналистом Андреем Черкизовым, с диссидентом Анатолием Гладилиным... Семенов никогда не говорил худо о тех, с кем расходился, но эти «бывшие» и поныне (за вычетом, само собой разумеется, усопших) обильно делятся своими воспоминаниями о нем.

Не очень лояльно отозвался об усопшем и Эдуард. В своей

«Книге мертвых» Эдуард писал:

«С Юлианом Семеновым я познакомился в Париже в конце 1988 года... Если от бульвара Монпарнас добраться до площади Денфер-Рошро, там недалеко и улица со странным названием Томб Иссуар. «Томб» – это могила и по-английски, и по-французски. Кто такой или такая Иссуар, никто мне никогда не смог объяснить. Там на улице Могила Иссуар жил тогда в доме 83, ателье А-2, пожилой американский верзила по имени Джим Хайнц. Именно у него в ателье-два я и познакомился с Юлианом Семеновым... Джим купил себе ателье (они специально строились для художников: крупные окна и все удовольствия) еще в 60-е годы. Тогда можно было купить ателье за копейки – утверждал он. Джим Хайнц – писатель, театральный постановщик (по-моему, это он положил начало Эдинбургским фестивалям), постановщик художественных порнофильмов, друг знаменитых людей, от Джона Леннона до вот Юлиана Семенова... Абсолютная беда России, на мой взгляд, состоит в том, что из нее сосут кровь семьи, подобные семье Боровиков или Михалковых и прочих вельмож... Генрих Боровик, председатель советского Комитета защиты мира, родил двоих: Артема и дочку Марину. Дочка вышла замуж за Диму Якушкина, сына кагэбэшного генерала. Дима Якушкин, как и подобает сыну кагэбэшного генерала, работал журналистом в Париже. К этому еще следует добавить, что жена Артема Боровика – Вероника Хильчевская – тоже не безродная девушка. Ее отец

был представителем СССР в ООН, а первый муж был тоже мальчишкой-мажором – сыном политического обозревателя Томаса Колесниченко. Одно из первых интервью со мной в русской печати, в газете «Московские новости», опубликованное чуть ли не в 1988 году, было взято у меня Дмитрием Якушкиным. Позже я потерял его из виду, и выплыл он вновь уже в качестве пресс-секретаря президента Ельцина. Когда в декабре 1998 года Министерство юстиции отказало в регистрации Национал-большевистской партии, я достал его домашний телефон и позвонил. Что называется, «голод не тетка», или «любовь зла – полюбишь и козла». Подошла дочь Боровика – Марина и довольно мило поговорила со мной. «Я ничего от Димы не хочу, – сказал я, – мне бы совет получить». – «Я сейчас ухожу, еду как раз встречаться с Димой, – сказала жена Якушкина. – Мы едем на банкет. Позвоните в 11:30, мы будем дома, он подойдет к телефону. Кстати говоря, мы живем рядом с редакцией вашей газеты, часто проходим мимо ваших мальчишков». В 11:30, когда я позвонил, у них был включен автоответчик. Я оставил свой номер телефона. Жду его звонка и по сей день. Хотя он уже не пресс-секретарь Ельцина. Мальчишки-мажоры... В 1990 году, в ноябре, после передачи «Камертон» прямо в студии Боровик познакомил меня с телеведущим Любимовым. Вот еще один мальчик-мажор. Папа – большой советский разведчик. Они такие все крупные, эти ребята, мясистые. Вспоминаю своего босса, наглого Питера Спрэга, оглоблю здоровенную: «Ска-

жите, Питер, – спрашиваю я у него, мы сидим на кухне, – почему американцы такие здоровенные?» – «Бифштекс каждый день в трех поколениях – вот и весь рецепт, Эдвард, – отвечает он и бросает газету на стол, встает. – У вас в России едят мало мяса», – смеясь, покидает кухню. Но в семьях Боровиков, Михалковых или Любимовых ели каждый день это пресловутое мясо и в более чем трех поколениях! Вот детки и вымахали все такие здоровые и мясистые. На всех мяса в России, правильно, Питер, не хватало, и если кто-то ел его ежедневно, то в прямом смысле вырывал его из других ртов.

Нет, я не испытываю личной неприязни к этим ребятам, я испытываю классовую ненависть... Помню, Боровик устроил для меня ужин в «кооперативном» ресторане на Лесной улице. Тогда этот ужин не показался мне необычным, но сейчас, когда больше половины его участников мертвы, этот ужин выглядит в ином свете. Мертвенно-бледным кажется он мне, ужином мертвецов. Боровик с женой приехали за мной на машине и привезли в ресторан. Сам зал ресторана находился в полуподвальном помещении, столиков было немного. Было в изобилии мясо и много зелени – свежие помидоры, огурцы, лук, кинза. Боровик объяснил, что это не парижский, конечно, ресторан, но здесь есть свежие овощи, мясо и нет бандитов. Я сказал, что в Париже хожу в рестораны, только если меня приглашают издатели или еще кто, кому что-то от меня нужно. Я плохо разбирался тогда в персоналиях России, я не знал, кто есть кто, и потому не мог

оценить тогда, какая там компания собралась. Долго я там не пробыл, у меня был ранний утренний авиарейс в Париж. Помню, что провожать нас вышел длинноволосый, как мне показалось, пегий человек в очках. Он сказал, что клятвенно обещает, что пригласит меня на свое телевизионное шоу. И дал мне визитку, а я, вежливый, продиктовал ему свой телефон там же, у входа в ресторан. В квартире на Герцена я поглядел на визитку. Там значилось: «Листьев Владислав». Позднее, когда он погиб, я пытался осмыслить его смерть и понял, что значения его смерти мне не понять. Я полагаю, он был неоригинальным и нетемпераментным тележурналистом. Скажем, Невзоров в свое время был много более интересным тележурналистом. Его репортаж, где он сует микрофон умирающему от ранения в живот молодому бандиту с калмыцкой физиономией, вызвал, помню, зависть французских коллег.

Часть репортажа продемонстрировало французское телевидение, по-моему канал «Арте», с завистливой ремаркой, что в прекрасной Франции показать такое французу не позволили бы власти, блюдущие нравственность граждан. Невзоров чуть ли не жмет на живот умирающего и спрашивает: «Больно?» А парень вдруг тут же и преставился. Последний хрип, конвульсия. В сравнении с такими репортажами Листьев – мыльный пузырь. Модные толстые ребята-мажоры (в школах таких дразнят «сало» или «пузо») на самом деле герои попсы. Они – подделка, слабый раствор. Толстый

мальчик Боровик – слабый раствор феодала Семенова».

Небрежность, граничащая с пренебрежением, – вот лимонская тональность. Впрочем, за давностью лет все это особого значения не имеет. Страна по-прежнему зачитывается детективами Семенова – стране никто не указ. И все, что говорят представители нашей либеральной интеллигенции, а она Семенова никогда не жаловала, благодарный читатель благополучно пропускает мимо ушей. Памятник Семенову в лице разведчика Максима Исаева не рукотворен. Увы, настоящего памятника создателю Штирлица никто пока не воздвиг. Впрочем, такова судьба и семеновских героев – они совершают незримые подвиги, за которые Родина не воздает.

Создавший Штирлица. Юлиана Семенова помнят как автора триумфальных «Семнадцати мгновений весны». Ну что здесь обсуждать, о чем спорить, фильм действительно культовый. Помню, когда весной 1989 года съемочная группа легендарного «Взгляда» приехала в редакционный офис на Калининском проспекте, ныне Новом Арбате (мы – редакция «Совершенно секретно» – располагались в бывшей конспиративной двухкомнатной квартире на предпоследнем этаже дома № 22, где до этого опера встречались с тайными осведомителями и куда завербованные «валютные проститутки» приводили нужных интуристов), Иван Демидов, который уже тогда был не только режиссером-новатором, но

и грамотным продюсером и негласным вождем, посоветовал мне в конце беседы сподвигнуть хозяина задымленного сигарным облаком кабинета на его «любимый анекдот про Штирлица». Я, разумеется, отвечал ухмылкой Мюллера-Броневого: Ванина просьба была из категории «миссия невыполнима». Автор не любил анекдоты про красного штандартенфюрера. Мастеру пера казалось, что скабрзные шутки про Штирлица нивелирует подвиг разведчика. И никак Юлик не готов был признать, что этот феномен лишь свидетельствует о всесоюзной популярности героя. Юлик – это вовсе не фамильярность, это любовное прозвище главреда, именно так за глаза мы все его и звали.

К вопросу о Штирлице, писателя упрекали в невольной романтизации того, что на Западе величают *Nazi Chic*, а у нас с подачи кремлевских политехнологов, атаковавших Лимонова, обозвали гламурным фашизмом: SS-форма была весьма к лицу Вячеславу Васильевичу Тихоновну и на черно-белых телеэкранах смотрелась впечатляюще, что неудивительно, ведь эсэсовские мундиры производил член нацистской партии Хьюго Босс (Hugo Boss), костюмы которого и поныне украшают прилавки лучших магазинов мира, от московского ЦУМа до нью-йоркского *Saks Fifth Avenue*.

Впрочем, упреки закономерны, мятежного Юлика всегда одолевали многочисленные завистники. Они не могли простить глобального успеха сочинителю, который, в отличие от них, не прогибался под Систему, а сумел ее обхитрить,

победить сумел. Ему одному из немногих удалось. Поэтому сейчас, когда Семенов ответить не может, тусклые КГБ-функционеры охотно рассказывают, как они снабжали яркого писателя материалами, и в этих рассказах зашифровано очевидное послание: «он был с нами, он был наш, мы были вместе, общее дело делали». Так лубянским хочется приклониться, рядом помаячить. Однако, как справедливо заметил Александр Борисыч Градский, «сколь ни рисуешь себя с великими – не станешь лучше рисовать». Один из коллег, стоявших рядом с гробом Семенова, сейчас, снисходительно улыбаясь, объясняет телевизионщикам, что Юлиан, мол, не столько искал «Янтарную комнату», сколько использовал эти поиски как предлог для своих частых заграничных командировок. Но не объясняет при этом, почему погибли несколько партнеров по этому журналистскому расследованию: первый заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Юрий Гусев, исследователь Пауль Энке и бывший эсэсовец Георг Штайн (последний по версии следствия «сделал себе характер» после пыток). А еще писателя Семенова подозревали в использовании «литературных негров»: ведь всякий судит по себе, и немногие ведь способны «выдавать на-гора» по несколько страниц в день (Юлиан Семенович мог за пару недель сочинить роман, он писал быстрее, чем иные читали).

В документальном фильме Алевтины Толкуновой «Рассказы об отце. Юлиан Семенов глазами дочери» (канал «Россия 24», октябрь 2011 года) Ольга Семенова впервые сказа-

ла публично: ее отца фактически устранили. С Юликом случился инсульт за час до очень важной встречи (об этом ниже). Забавно, что Семенов не проявил в свое время энтузиазма по поводу публикации в «Совсеке» интервью с генералом КГБ Олегом Калугиным, в котором опальный чекист рассказывал о спецлаборатории, где разрабатывались технологии моментального провоцирования инсультов, инфарктов, кожных нарывов и прочих прелестей (про плутоний тогда речи не было).

Я настаивать не стал и опубликовал ту беседу в «Неделе». Отчасти и потому, что Семенов тогда был не в восторге от только что напечатанного в его газете «антиармейского материала», сочиненного мной в соавторстве с Денисом Гореловым. Он говорил, что критиковать спецслужбы и армию – это значит «мешать Горбачеву», и был, как я сейчас понимаю, абсолютно прав, хотя в тот момент мне и казалось, что Юлиан Семенович просто не хочет осложнять свою (распиаренную им же самим) «дружбу с Лубянкой», которую использовал и для писательской своей работы, и для грамотного манипулирования административно-командной системой, которую ненавидел люто.

На самом деле он сделал больше, чем написал. Ну например, в контексте данного повествования – вернул в СССР писателя Эдуарда Лимонова. Потратив собственные \$\$\$ и нервы. В нем был силен дух фронды, хотя многие пытаются ныне рисовать его певцом и партнером Лубянки на основа-

нии того, что он был допущен к архивам КГБ лично шефом тайной полиции Андроповым. В начале 1989 года Юлиан на свой страх и риск опубликовал в проекте «Детектив и политика» два лимоновских рассказа: «Коньяк Наполеон» и «Дети коменданта» — и лично вручил автору-эмигранту экземпляр во время очередного визита в город Парижск, где живет со своим французским супругом его дочь Ольга. Правда, вместо благодарности мы получили истерику и наезд: Лимонов устроил разборки на предмет редактуры. Не цензуры, а именно пресловутой «работы с текстом».

Mea culpa и только моя. Дело в том, что первый заместитель главреда «Совсека» Саша Плешков занимался серьезными делами, включая все финансово-хозяйственные разборки, а мне поручено было заниматься кастингом. И я собирал штат нашей первой частной советской редакции как мог. Из своей репортерской альма-матер «МК» пригласил Пастернака (однофамилец) и Светлову (то же самое), а из журнала «Смена», где трудился до основания «Совершенно секретно», позвал ответсека Борю (Бобика) Данюшевского. Борис был грамотным портфелесоставителем, но... Помню «сменовский» эпизод. Захожу с заметкой про бит-квартет «Секрет» в кабинет ответсека и вижу взмыленного Данюшевского. Интересуюсь — в чем дело? Да вот, раздраженно отвечает, по разнарядке из ЦК ВЛКСМ надо срочно в номер рассказ поставить, а там редактуры неувпроворот. Показывает мне рукопись. Живого места нет, массивные правки в

каждом абзаце. Напомню, компо́в не было, правили ручкой и отдавали в машбюро для повторного набора. После корректуры – то же самое. Ну да ладно. Беру титульный лист, чтобы понять, что за автора слили нам комсаки (по-моему, курировал печатные СМИ тов. Орджоникидзе). Вижу: Фазиль Искандер. Давясь от смеха, иду к Мише Кизилову. Главный редактор «Смены» спас творение абхазского классика от редактуры Бобика, а вот Лимонову, увы, не повезло.

По забавному стечению обстоятельств именно с Эдиком 20 апреля 1990 года позавтракал в Париже Плешков, который был отравлен во время ужина с главным редактором влиятельнейшего в ту пору французского еженедельника VSD. Через пару недель выбыл из строя и сам основатель «Совершенно секретно»: два инсульта подряд, причем последний – после ночного визита в неохраняемую палату двух таинственных посетителей в штатском. Режиссер Борис Григорьев, снявший четыре фильма по сценариям Семенова, среди которых «Петровка, 38» и «Огарева, 6», в интервью киевскому проекту Виталия Коротича «Бульвар Гордона» в октябре 2011 года отметил:

– Конечно, мы смертны, но с болезнью и смертью Семенова не все чисто – мне кажется, ему просто помогли уйти. Юлиан многим переходил дорогу, многим был неудобен, потому что лез в такие сферы, в которые его не хотели пускать. К тому же у него была какая-то нечеловеческая, клиническая память, особенно это касалось документов. Ему доста-

точно было один-два раза прочесть любую бумагу, чтобы запомнить ее наизусть. Он помнил все – даты, факты, лица, фамилии. Причем сам этому удивлялся, говорил: «Что ни увижу, все запоминаю раз и навсегда». Очевидно, были люди, которые боялись, что однажды он сопоставит известные ему факты и сделает единственно правильные выводы. А делать их Семенов умел. У него, например, была своя теория убийства президента Кеннеди, очень, кстати, оригинальная, которую он обсуждал с людьми из КГБ. Кто знает, возможно, она была верна... Юлик был очень здоровым человеком, поэтому обширный инсульт, который с ним якобы случился, внушает мне большие подозрения. Конечно, это только мои ощущения, я не врач, и никаких доказательств у меня нет.

В помянутом юбилейном фильме Алевтины Толкуновой есть эпизод: создатель Штирлица встречается с поклонниками в концертной студии «Останкино» (1983 год). Семенов говорит, что писатель не может не быть политиком. Что бы он сказал, увидев, как именно и во что конвертировал свой литературный дар его креатура Лимонов? Риторический вопрос. Юлиан был светлым и наивным романтиком, совершеннейшим ребенком, «верившим в социализм с человеческим лицом». Несмотря на все свои «мажорские» (по дефиниции неблагодарного и неблагородного Лимонова) понты: гаванские сигары, клетчатые пиджаки, цепочку на шиколотке, бороду а-ля Хэм.

Юлиана Семенова можно смело называть великим рус-

ским писателем хотя бы потому, что его Максим Исаев навсегда вошел в нашу культуру, а один из президентов Новой России, Владимир Путин, даже проговорил, что учился жизни по разведчику Исаеву. В школах, правда, Семенова не преподают и именем его улиц не называют, но это и неудивительно – Юлиан Семенов не был человеком Системы. И примером своей жизни доказал, что успеха можно добиться, не прогибаясь под изменчивый мир, а прогибая его под себя (© Макаревич). Показал и более существенную вещь – перед сильными мира сего необязательно пресмыкаться, – ими можно успешно манипулировать в интересах державы.

Короче, с ним случился инсульт. За 52 минуты до встречи, которая бы внесла существенные коррективы в историю отечественной медиаиндустрии. Мы вместе со знаменитым британским документалистом Оливией Лихтенстайн в эти дни снимали ленту о Семенове для BBC ONE, где уже были отэфирены фильмы (из той же серии Comrades) про стебальщика-музыканта Сергея Курехина и бизнесмена-офтальмолога Святослава Федорова. И остались записи с сотрудниками больницы. Зафиксировано: ночью после инсульта в палату пришли двое. И после этого визита, вызвавшего «повторный инсульт», Юлиан уже не мог говорить. Его не стало. Видеоматериалы у Оливии пытались изъять на таможне во время ее возвращения в Лондон, вопрос разруливали в посольстве Соединенного Королевства, которое тогда, как помню, располагалось на Софийской набережной.

Родные писателя только сейчас открыто заговорили об убийстве. Закономерен вопрос – почему молчали раньше? Я могу ответить лишь за себя. И возможно, за некоторых коллег по «Совсеку». Версия об устранении писателя однозначно бросала тень на нашего товарища, Артема Боровика, который незаконно унаследовал и «Совершенно секретно», и мастерскую писателя в центре Москвы, ключи от коей вручил ему при жизни сам Семенов, когда Артем пожаловался, что им с Вероникой негде жить. То есть сторонний наблюдатель может узреть пресловутый мотив. И это абсолютно несправедливо, потому что Боровик-младший никаким образом не мог быть причастен к такому делу, все кто его знал, это скажут без колебаний. Одно дело – переписать уставные документы («бизнес – это война», любит повторять Саша Любимов, чей отец-разведчик с моей подачи дебютировал как писатель именно в «Совсеке»), другое – ввязаться в авантюру с покушением.

До этого писали только об убийстве в Париже первого заместителя главреда «Совсека» всего за пару недель до загадочного инсульта, заставившего самого главного редактора замолчать до самого дня кончины. Напомню, Плешков был отравлен во время трапезы с главным редактором влиятельнейшего в ту пору французского еженедельника VSD. Как мне рассказал мой соавтор Франсуа Моро (в начале 90-х мы написали несколько книг для издательства Mercure de France, включая *Les coulisses du Kremlin*), который, соб-

ственно, и был связным Юлика во Франции, — местные спецслужбы сделали однозначный вывод об отравлении советского журналиста и передали материалы своим московским коллегам. Минувшим летом случайно встретился (на выставке работ Михаила Королева) с Александром Плешковым-младшим, который был студентом, когда его отец рулил «Совсеком». Саша сказал, что они с матерью так и не получили документы на руки, но не сомневаются, что все три члена редколлегии (включая Александра Меня), которые тогда погибли, знали нечто про «золото партии». Не то «золото партии», которым занимался Штирлиц. Не той партии. Партии, членом которой, в отличие от своих оппонентов, не был Юлиан Семенович. Еще раз: он выбыл из строя всего за час до подписания масштабного контракта с представителем Руперта Мэрдока Джоном Эвансом, который вывел бы советский холдинг «Совершенно секретно» на мировой медиарынок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.